

Безусловный флагман прозаической рубрики первых трёх номеров литературного журнала «Сибирские огни» за 2019 год — исторический роман *Олега Хафизова «Дуэлист»*.

Роман отличает прекрасная стилизация — драгоценнейшее качество. На наш взгляд, одна из главных мыслей произведения: «Прежде чем начать массовое убийство людей фабричным способом, каждое из правительств, затеявших таковую бойню [войну], отчего-то считает необходимым публично заявить, что делает это единственно из соображений миролюбия». Эта идея красной нитью проходит через всё полотно, воплощаясь в глубоко мировоззренческом послы: «историческое» лицемерие сильных мира сего маскирует глубинные хищнические мотивы. Ненасытные, плохо контролируемые притязания политических хищников не имеют ли некоторого сходства с неуправляемым темпераментом и кипением страстей главного героя, живущего в системе социальных пороков и по законам общества, эти пороки «протежирующего»?

Главный герой — Фёдор Иванович Толстой — чрезвычайно колоритен и противоречив: умён, храбрый боец, настоящий авантюрист, исключительно страстная, даже дикая и темпераментная, зачастую жестокая, но крайне широкая натура, записной бретёр и, конечно, бабник. В основе драматического конфликта — известная мистическая линия, связанная с «проклятием»: Фёдор Толстой умертвил одиннадцать дуэлистов, насчёт которых вёл страшный учётный журнал «синодик», где фиксировал свои злодеяния. Расплата пришла тогда, когда граф, казалось бы, остепенился и пришёл к благочестивой жизни, отказавшись от вина, кутежей, бретёрства, развратной жизни. За одиннадцать убитых поединщиков провидение или дьявол призвали в качестве расплаты жизнь его одиннадцати детей. Этот кошмар и стал отправной точкой, вокруг которой Олег Хафизов построил своё исследование.

Помимо прекрасного знания исторического материала, Хафизов демонстрирует умение преподносить ничуть не занимательные факты весьма бойко и отнюдь не скучно. Хочу заметить, не каждому автору, работающему с историческим

материалом, такое под силу: «Наполеон и Александр подружились в Тильзите, не будучи пока в силах дожать друг друга до конца. В знак покорности побитый Александр уступил своему „брату“ право хозяйничать во всей Европе. <...> В обмен великодушный Наполеон разрешил „брату“ задрать кого бы то ни было, пасущегося поблизости. Рядом наслась Швеция...» Невольно думаешь, как бы стала популярна школьная история, будь она изложена подобным образом. «Граф Аракчеев, который без ведома государя шага не смел ступить и другим не давал, тотчас снарядил секретный фельдъегерский эстафет в Германию, где наш царь в ту пору танцевал на конгрессах».

Отдельное слово заслуживает внимание автора к деталям, тонкостям, являющимся важнейшим элементом исторической реконструкции и декорации: «Блуждая по каменистым берегам быстрой прозрачной Кюмени с удочкой, в непромокаемом плаще-эмпереабле и высоких бесшовных сапогах-остаахах...»

Много в романе и замечательного остроумия. Чего стоит, например, такой диалог:

«— Это Morpho menelaus, тропическая бабочка, пойманная мною в Бразилии... — зашептал Толстой на ухо Долгорукову. — Природные американцы называют её „осколком неба“, поскольку, по их представлениям, небо когда-то расколосось от удара злого демона и осыпалось на землю вот такими осколками. — Сколько в этом истинной поэзии! — воскликнул князь.

— Мне также известно, что эл кондоры с высоты нескольких миль принимают этих бабочек за небо, пикируют и разбиваются вдреизг, — присочинил, по обыкновению, Толстой. — Эл кондоры — американские летающие чудовища наподобие орлов, но размером со страуса, — не моргнув глазом, пояснил Толстой. — Я вёз с собою живого эл кондора, но сильно проголодался в Вятке, где подают одни сушёные грибы. И так, эл кондора не стало».

Вообще, исторический роман — именно исторический, а не авантюрно-приключенческий с историческими декорациями, — так вот, исторический роман, имеющий свои законы, всегда встречает ряд препятствий. Необходимо сохранить достоверность, по возможности беспристрастность,

выдержать соответствующий стиль и, чёрт возьми, удержать читательское внимание. Быть интересным то есть. Из советской классики на память приходит Василий Ян с его потрясающим «Нашествием монголов», где за тщательными историческими декорациями скрываются глубина и мощь воззрений, тончайший психологизм, не говоря уже о великолепной стилизации. Вспоминаешь и авторов «попроще», второй линии, так сказать. Авторы, случайно оказавшихся в большой литературе. Например, Алексей Новиков-Прибой с его морской эпопеей «Цусима», читая которую, понимаешь, что сегодня такая подача и реализация будет иметь мало шансов для серьёзного разговора. Современный автор исторического романа поставлен в трудные условия: с одной стороны, необходимо соблюсти достоверный историзм, как отмечалось, с другой — быть нескучным, да ещё по возможности динамичным. Олег Хафизов попытался совместить историзм и «лёгкий», тот самый динамичный авантюрно-приключенческий стиль, что является смелым экспериментом, так как не всем ревнителям чистоты придётся по вкусу такое решение. Тем не менее, всем поклонникам хорошей исторической прозы «Дуэлист» настоятельно рекомендуется к прочтению!..

Думаю, не ошибаюсь, если одной из главных мыслей повести *Кристины Высоцкой «Кровная свора»* считаю эту: «Ужасов в мире тьма. Но есть ужас отдельно взятой человеческой души, и кто сказал, что он менее мучителен, чем мировые войны и эпидемии?..» Глубина этой точки зрения определяет основные мотивы авторского исследования.

Проза Высоцкой очень плотная. Начало весьма взрывное и эмоциональное. Это по-настоящему острая проза. Психологическая проза. Тяжёлая проза!.. Автор умеет ставить «неудобные» вопросы. Эта проза болит. Читаешь и чувствуешь, «как же всё неправильно в этой жизни и зачастую бессмысленно». Не менее важный вопрос: «А как надо?!» Бедная семья, бессребреники, не отдавая отчёта, «делают» одиннадцать детей! Жизнь превращается в гонку на выживание. В этой гонке проявляются зачастую наихудшие человеческие качества. Можно ли это осудить? Нужно ли это осудить?! Ведь всякие морализирования с нашей стороны хороши «на сытый желудок», когда у нас всё в порядке. А если не в порядке?!.. То-то и оно!.. Высоцкая ставит сложнейшие вопросы этики и морали.

Автор работает жёсткими образами: «Но София их дождалась, хотя сильно мучилась — диабет сожрал обе её ноги. В больнице она бы сгнила окончательно, но племянница с внучкой забрали её домой». Мощно работают на замысел и персонажи, поданные лаконично, но колоритно, максимально характеризующиеся через диалоги.

В сравнительно небольшой повести мы встречаем множество героев. Сюжетные фрагменты переплетены чрезвычайно густо, событийная насыщенность высока. Такое обилие героев иногда запутывает: трудно отследить ту или иную линию, чётко фиксировать, «кто есть кто». Как знать, быть может, это намеренный приём: за мешаниной героев, событий, людской чудовищности и нравственной грязи огранка светлого и чистого приобретает иной вес, иную силу и ценность.

Обращает нас себя внимание и то, как Кристина Высоцкая умышленно рушит композицию, прибегая к постоянной ретроспективе — перетасовке сюжетных сцен. Если такой приём реализован удовлетворительно, то читательское восприятие становится гораздо острее, чем автор и воспользовался не без успеха.

Вообще, проза подобного рода ломает и даже калечит. Читать её больно. Однако именно посредством таких произведений совершается наиболее мощная духовная работа в сознании читателя, происходящая от необходимости говорить о «неудобных» вопросах и с главнейшей мыслью, что жить необходимо во что бы то ни стало!

Интродукция в виде знакомства с главным героем в рассказе *Александра Романова «Север»* несколько затянута, но портрет его — героя — очень любопытный и оригинальный: мрачный, крайне несимпатичный, всю дорогу дерущийся, бьющий чьи-то морды и часто побеждающий, кстати, возможно, побывавший в местах не столь отдалённых мужчина без возраста. Полутопник, полурыцарь с обострённым чувством справедливости. Футбол не смотрит, сериалы не любит, Интернет не признаёт... читает книги и где-то в глубине души — ребёнок и романтик!..

Импонирует и мрачноватый юморок:

«И все они, врачи и медсёстры, всегда на меня спокойно смотрели. Семён объяснял почему. — Потому что, — говорит, — в институте их... в морг ведут. Чтобы привыкали, значит. И там они... такого насмотрятся, что им потом ничего не страшно. Даже твоя, — говорит, — рожей их не испугать».

Или вот ещё:

«Вот ей-богу, лучше бы он не переодевался. Обтягивающие чёрные штаны сменили цвет на ярко-красные, а поверх майки он накинул какую-то невообразимую хрень. Она вся состояла из блёсток, клочков меха и обрывков серпантина. Я с облегчением подумал: хорошо, что нам с ним не идти пешком, да ещё через мой район».

Главный герой полон не просто самоиронии, но даже какого-то неизбежного самосарказма, порой выходящего из меры.

Финал, увы, банален: обычная история о любви, и всё заканчивается предсказуемо и благополучно. Не настаивает автор и на глобальных смыслах.

Но вот сама история хороша: в меру смешна, в меру цинична, в меру остроумна. Как говорил один мой знакомый филолог: «Я люблю любую литературу, кроме скучной...» Что-то, а рассказ нескудный. Есть всё, что необходимо для романтической истории: крутой характер, мордобой, лирические отношения, хеппи-энд...

Мотив рассказа *Марии Молодцовой «Ромовая баба»*: «*Это часто бывает, что перед самым концом [смертью] человеку лучшие становится. Потому что внутри у человека много жизни, любви, и не может он с ней уйти, до капли не растратив.*»

Фронтальная проза. Эта линия мировой прозы имеет свои особенности. При часто номинальном сюжете на первый план выходит эмоция. Не хотелось бы, чтобы произведение о войне выглядели всего лишь как дань памяти. Сильная эмоция здесь, безусловно, есть, но от художественной литературы подобного рода ждешь большего...

Николай Колосов, «Тёмные комнаты» (два коротких рассказа). Одна из интересных мыслей, определяющих смысловое движение этой подборки, такая: «*Женщины после тридцати — прекрасны. Они ничего не боятся и всё умеют. И никогда не обвинят вас в том, что вы украли их молодость, потому что до вас это сделал кто-то другой.*»

Основная тема рассказов, как мне видится, — страсть и сомнение. Очень живые и достоверные диалоги. Что называется — настоящая жизнь без прикрас. Никакого авторского отношения, никакой позиции — максимально нейтральное изложение. При номинальных сюжетах нет почти никакой морали, прямо как у Золя, хотя и не так изошённо-страстно, как у великого француза. Рассказы Колосова пролетают, незаметно приходя к открытому финалу, но ощущение такое, словно бы автор пожал плечами, но не до конца: плечи поднялись, но не опустились...

Произведение *Марины Фёдоровой «Домой»* очень похоже на этюд: штрихами-мазками, кратко, бессюжетно, зарисовками, с отсутствием финала (финал здесь не открытый, а именно отсутствует — этюды часто пишутся именно так)... Словно бы автор произвёл некие тематические фотоснимки литературно-художественным способом. «Острые» материалы о детях и «на детях» всегда востребованы. Но требуют и определённого баланса, и определённого чувства меры. Эти два момента напряжённо коррелируют с авторской идеей. Здесь некий эмоциональный срез, выполненный

по возможности с нейтральной позиции, но, что называется, «заточенный под...».

Мария Косовская, «Открытый космос». Рассказ-регистрация, так иногда говорят о подобном жанре сегодня, когда чистая беспристрастность изложения — с одной стороны (как на камеру), и минимум авторского сопровождения в виде хоть каких-то мыслей или рассуждений — с другой стороны. Намечены две сюжетные линии — с Танькой и Настёной. Первая линия брошена, вторая хоть сколько-нибудь доведена. Тема разговора — любовь и всё, что вызывает душевную боль, когда речь идёт о любви: измена отца, разочарование, способность простить то, что трудно простить... Центральная мысль, как мне кажется, — неоправданность отрицательных сторон бытия, связанных с необходимостью жить с этой болью дальше...

Вячеслав Лямкин, «Отпусти его на небо, душа...», повесть. Деревенская проза. Фактически всё повествование — психологически очень тонкое, драматическое — о смерти и ожидании самой смерти. «Бытовое» и вместе с тем во многом философское произведение сопоставляет важнейшие понятия о жизни и смерти через проекцию любви. И того колоссального, что дарит любовь, — прощения. Нейтральные сами по себе понятия жизни и смерти приобретают наивысшее значение и особый сакральный смысл именно в любви. Тяжёлые рефлексии главной героини, её неизбывная тоска жёстко усилены самым страшным, что может наступить в старости, — одиночеством. Финал произведения — одно из главнейших достоинств этой повести — очень силён.

Первая аллюзия при прочтении рассказа *Виктории Сагадиевой «Кайзер»* — классика кино «Полёт над гнездом кукушки». Но в «лайтовой» версии, если можно так выразиться. Вообще, темы свободы, детского дома, добавьте темы, связанные с психиатрией, всегда создавали богатое положение для авторских исследований и экспериментов. Вопросы актуальные и важные. Сила же разговоров о свободе, я уверен, не утратится никогда. Человек просто физически должен ощущать свободу. Хоть бы и субъективно. Наверное, свобода — самое философское понятие, которое по значимости «уступает» лишь рассуждениям о любви. Да и уступает ли? Ведь если это и не синонимы, то два тесно коррелирующих понятия. Кстати, именно об иррациональной связи любви и свободы идёт речь в этом произведении...